

Дмитрий Тонконогов

ОДИН К ОДНОМУ

Дмитрий Тонконогов

Один к одному

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Тонконогов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Т57

Дизайн серии: Сергей Труханов

Д. Тонконогов
Т57 Один к одному. — М.: Воймега, 2015. — 36 с.

ISBN 978-5-7640-0171-5

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© Д. Тонконогов, текст, 2015
© С. Труханов, оформление, 2015
© «Воймега», 2015

Последняя глава

Присмотреться — какое нескладное
тело длинное, продолговатое.
Бесполезная, глупая, жадная,
ходит по дому кошка горбатая.
Проезжает автобус последний,
погружаясь в туман с головой.
Собирает старуха в передник
гуттаперчевый гриб дождевой.

Никуда торопиться не надо,
не успеешь в свои Кутырлы.
Потихоньку играет эстрада,
и вратарь пропускает голы.
Пассажиры летят в самолёте,
даже яблоку негде упасть.
И поёт в небесах Паваротти,
разевая бездонную пасть.

Вдоль ограды реки неизвестной
два поэта ведут разговор.
И кончается берег отвесный,
начинается водный простор —
это камера съехала вправо,
оператор на что-то нажал.
Золотая лежала оправа,
отражая Московский вокзал.
Там и я, бледнолицый и хмурый,
выношу на перрон рюкзаки.
Всё закончилось литературой
и продолжилось ей вопреки.

* * *

Меркнут знаки Бэрримора.
Над просторами села
дремлют Ксения и Лора,
обращённые в слова.
— Я тебя бы не узнала
среди тысячи фигур,
мать Тереза, папа Карло.
Никаких литератур.

На другой странице сонный
открывается простор.
Спит лазутчик телефонный,
опрокинув разговор.
И зачем себя болтаешь,
как микстуру в пузырьке?
Всё равно когда-то канешь
прямо в дырку в потолке.

Остаётся верить смутно,
потеряв прямую речь,
что иглу, яйцо и утку
догадался запереть.
А когда придут с проверкой
или с жалобой придут,
не откроют эту дверку,
страшный суд перенесут.

* * *

В пятиэтажках под снос,
где отключили всё,
даже комаров и ос,
ласточки летают,
как бумеранги.

Станции

Кто это там на дорожке беговой
в синей майке разговаривает сам с собой?
Это мастер спорта по тяжёлой судьбе
Иван Иванович Береговой говорит сам себе:
вот жена убежала, но не жалеюсь, боже ты мой,
прихожу домой, как будто к себе домой,
лезу пальцами в солёные огурцы,
зайдут мужики и скажут: Иваныч, не сцы.
А я им сома на свежей газете,
и сердце сжимается, словно за всё в ответе.

Зав. учебной частью Виктор Вольфрам
ходил в пиджаке и ездил в Орёл по делам.
Но пришли достоверные сведения
из источников компетентных,
что он не человек, а природная рента
и цифра её несусветная.
За ним охотились люди, переодетые и секретные.
А он, ни ухом ни рылом, ехал себе из Орла,
жевал бутерброд и пиво тянул из горла.
А на коленях, как будто живой,
платок шевелился шёлковый, носовой.

Южное Бутово вылезло из-под земли.
Бабка умерла, открыли сберкнижку,
там всякие суммы оканчивались на нули.
Родственники прибежали шумной толпой,
даже дядька Степан забросил дачу и перегной,
напялил бабкин передник и на всех готовил неделю,
пока делили наследство, рылись в ящиках,
нашли «репку-сеялку» и не знали, что с ней делать.

Где ещё бабка, разве что на магнитном носителе,
будет всегда молода и приятна чертовски.
Закат догорел, на галёрке сидят телезрители,
видят Луну и решают, что это Котовский.

Хочу быть Ахматовой
и чтобы Рейн был у меня на посылках.
Молоко можно в пакетах,
а кефир непременно в бутылках.
Жила бы в Коломне, ездила на трамвае,
меня бы с кондуктором путали и деньги давали.
Компактная сумочка, величественный кивок.
Я Ахматова, говорю, а они:
мы узнали вас, фрекен Бок.

Над Чусовым поднимается «лисий хвост».
Полина, ссутулившись, преодолевает мост,
швейная машинка в руке, ключик в кармане:
родите меня как блондинку, в чулках от Армани,
чтоб нежные пальцы и пуговками соски,
вокруг подъёмные краны — строительные мужики.
Уж я бы росла, строилась, свешивалась с балкона,
воздушные поцелуи пускала и питалась планктоном.
Но крикнул прораб, с усов сдувая тополиный пух:
Иваныч, ты, в натуре, совсем опух?
Чё ты привёз? Это не цемент, это какая-то потебня.
Но едет бетономешалка, всеми согласными шевеля.
А в зеркале заднего вида, тощая, как иваси,
мелькает Полина,
молчит, о чем её ни спроси.

Что ищешь в морзянке коротких частот?
Сегодня твой чёрный архангел поёт,
а рядом хрипит, пропадая в шумах,
уставший за день полководец Аллах.

Воркуют на языке непонятном
бумажные голуби восьмидесятых.
Одну и единственную вижу тюрьму:
язык — это якорь и тянет ко дну.
Что — песня любви, где и так всё знакомо?
Моя дорогая, забудь себя дома,
меня же оставь средь сибирских болот,
где чахлые ёлки и клюква растёт.
Вот только заткнулся бы, чёрт побери,
голос внутри.
Мне неба не надо, не надо росы,
ни чаек прожорливых Куршской косы,
за кадром со мной разберутся шутя
два ангела взрослых и ангел-дитя.

Лифт

Мечется в кабине Белла Исааковна,
давит на кнопки и уже начинает рыдать.
Муж выносил помойное ведро после завтрака,
сразу всё понял и жену побежал извлекать.

Видит: топчутся тапочки парусиновые,
розовая ночнушка выглядывает из-под халата.
Он схватился руками, напряг лошадиные силы,
дрогнули тросы, и раздвинулись двери как надо.

По этому случаю Белла Исааковна поставила тесто.
Заполночь пили чай и говорили о многом.
Знаешь, Белла, я буду спать рядом, там моё место,
мало ли что, трясение земли, воздушная эта тревога.

И они полетели, как осенние листья.
Белла Исааковна чихала от уличной пыли.
Он притворялся кузнечиком, притворялся рысью,
а кем ещё притвориться, чтобы любили?

* * *

Не тронь моих чертежей!
Архимед

Люди уехали в город
и даже собаки.
Яблок урожай небывалый
в деревне Дедково.
Последняя бабка
весила пять килограммов,
вращала глазами.
С ней говорила сорока
в галстук
цвета морковного сока.

Над озером длинным
гуляет простуда.
Падают яблоки ниоткуда.
Лодки лежат,
втянув животы.
Маршируют на месте
яблоневые сады.
Где же ты,
Патриарх Московский
и всея Руси?
Сходи куда надо
и за меня попроси.
Было бы куда проще,
превратись я
в нетленные мощи.
Лёгкая-лёгкая,
сухая тростинка,
репродукция Господа твоего
и Его половинка.

Патриарх выезжает,
кричит, погоняет шофёра.
Лежит за холмами
обитель «Небесные норы».
Братья мои,
усердные ученики,
были мы ёлочные игрушки,
хрупкие морские коньки,
школьные скрипки,
щипки и ужимки,
зашнурованные наспех
полуботинки,
сны без сюжета,
щелчки поворотника,
очки плюсовые
Иосифа-плотника.
Господи,
в неурочный час
задвинь в долгий ящик
всех нас.
Чтоб море увидеть успеть и Париж,
пока в безвоздушном пространстве паришь.

Game Over

Говорила тебе Ленка Смирнова,
не прерывая процесса:
Мандельштам твой, ну честное слово,
грустная копия де Фюнеса.

Небеса намалёваны синие,
бестолковые бродят жандармы.
И улыбки приплюснутой линия
не покинет свои кинокадры.

Там песок распыляется солнечный,
бутафорская хлопает дверь.
В легкомысленной комнате горничной
составляются списки потерь.

Улетят кистепёрые мальчики —
старший Осип и младший Луи.
Хитроумный идальго Ламанчский
над тобою склонится в пыли.

Поднимай безударную роту,
береги от детей и огня,
одолеешь любую пехоту,
отползая средь белого дня.

И поедешь в Москву или в Питер,
перешитый цыганской иглой.
Будет книжная полка событий
нависать над твоей головой.

Поживи среди тех или этих,
научи мужиков говорить.
Хорошо в безударном столетье
безопасную бритву купить.

Сёстры

Чупати Марья, урожд. Будберг, вдова капитана,
Эриксон Констанция, дочь поручика,
собирали чернику, одну в рот, другую на доньшко стакана,
и попали под дождь волею случая.

Смирнова Олимпиада, дочь титулярного советника,
Николенкова Прасковья, сердобольная сестра,
разговаривали, держась за доски штакетника,
и умолкли, увидев пролетающего комара.

Уман Тереза, дочь мещанина,
Феоктистова Клеопатра, сиделка,
перелистывая репродукции неизвестных художников,
обратили внимание на картину,
где впивается в небо непонятная стрелка.

Смирнова Марфа, дочь умершего провиантского комиссионера,
Краузе Юлия, дочь почётного гражданина,
слышали, что наступает новая эра,
безрыбья, механизмов и пластилина.

Дружинина Марья, дочь коллежского регистратора,
Благовещенская Анастасия, дочь священника,
не догадывались, что это эра вечного эскалатора,
чёрных рубильников и ремонта помещений.

И когда она наступила, испуганные, они выправили осанки,
стали повторять одно и то же в надежде, что их услышат.
Но пора, сёстры, Господь приготовил санки,
выпал снег и остался лежать на одноэтажных крышах.

На скользкое небо не подняться без фуникулёра,
но осторожными шажками, заглушая сердцебиенье,
они двигались, держась за нить разговора.
Их видели с вертолёта: Марфа шла впереди,
за ней Анастасия — дочь священника.

Не будем говорить, какой там ветер,
какое расстояние, Прасковья насчитала
одну тысячу двести тридцать два,
Из них тридцать два она прожила на свете,
остальное держала в уме, но растеряла, пока спала.

Уставшие, они съели по кусочку хлеба,
перекрестили Прасковью, превратившуюся в сугроб.
Спи, лапа, в глазах твоих белое небо
будет струиться, переворачиваться, не остановиться чтоб.

И заскользили вниз, подпрыгивая на трамплинах,
ныли полозья, не оставляя следа на льду,
закрывали глаза и видели
пульсирующие перья павлина.

В 2003-м году.

Я, Сашка и она

...Что касается рыбной ловли,
своими удочками, похожими на оглобли,
мы умудрялись вытаскивать на этот свет
таких рыб, которым названья нет.

Влюблялись мы вместе, потому что так было проще.
Райские кущи находились на окраине рощи.
Там она гуляла и, кажется, даже жила.
Кормила какую-то птичку крошками со стола.

Потом приходил её дед и на столе играл в домино.
Другие деды проигрывали и переживали, как в кино.
Она возилась с куклами, не обращая внимания на
то, как мы прыгали с веток и кричали: война!

И мы её разлюбили, потому что ни разу не спасли.
Она не поднималась на наши корабли.
Сашке подарили металлический саксофон.
Сашка взял на полтона выше и превратился в сон...

.....

...Пили грузинское вино, закусывали чем попало.
Где-то купались, а потом телебашня упала.
Снились шпангоуты и дуэльные пистолеты.
Я сидел на уроках физики по ту сторону света.

Да я и так узнал, какая она, сила трения.
Не такая уж сильная, приятная до одурения.
Утром влезал к ней в окно, мысленно сворачивал парашют.
Лежали тихо-тихо под одеялом, ждали, пока родители уйдут.

СВЯЗЬ

Неправильно набран номер, —
унылый голос телефонистки.
Она мне снилась:
пожилая, с огромным обручальным кольцом,
с короткой стрижкой.
Я высматривал её в метрополитене.
Иногда узнавал, но подойти не решался.
Она глядела на меня в упор, поезд грохотал в тоннеле,
потом она умерла, но голос так и остался,
невыносимый, вывернутый наизнанку.
Его тоже затёрли, поменяли на что-то.
Я и сам потерялся, читал в метро «Иностранку»,
никому не звонил и не жаловался на икоту.

Замкнутые номера на телефонной станции
сами с собой говорят, присылают друг другу квитанции.
Электронные телефонистки,
проглатывая буквы, говорят по-русски и по-английски:
если ты идиот — жми цифру нуль,
к тебе придут санитары и небесный патруль,
наберёшь ненароком двадцать два —
услышишь, как ворочаются во сне говорящие провода.

Играют в деньги на прятки, играют в славу на жмурки.
Пишут стихи в блокноты сумрачные придурки.
Святое дело — сожрать бутерброд, вернувшись из школы,
ушные раковины хранят божественные глаголы.
Женские микросхемы имеют пятнадцать ножек,
миниатюрный корпус и дырочки для серёжек.

Глухая Анна Павловна звонит, ничего не слышит:
Димитрий! Я поняла вас немного,
ума занимать не придётся вам, наверное, ни у кого.
К тому же вы так осторожно обходите рифы
со мной в разговоре. Спешу поздравить заранее,
опоздать я боюсь, а вдруг уйду далеко, не поздравив тебя?
Пеку пироги, а завтра кто съест их — не знаю,
возможно, я буду холодной лежать одиноко в кровати,
навек закрыв свои голубые глаза.
Так поздравляю тебя!

Приехали телефонисты в небо забрасывать провода.
Ругаются, курят «Приму», тянут воздушного змея.
На связи Господь — белая борода.
Дети дышат в трубку, разговаривать не умея.

Бабушке Пане, дошедшей до Берлина

От пристани в полдень отчалил паром.
Ты в небо глядела, где двигался дом,
упали язи, извиваясь, плотва.
И звёздами вниз отразилась Москва.

С тобою прощались дворовые бабки,
к себе примеряя оркестр и тапки.
Стояли, кряхтели, сморкались в подол.
Мир её праху и валидол.

Ты мне подарила скрипучий пенал,
и тысячу раз я его открывал,
пока разобрал эту надпись пером:
люблю тебя, Том Сойер, милый Том.

Жильцы выбивали полоски паласа.
Работал ремонт, магазин и сберкасса.
И в солнечном шлейфе пьеры ришары
несли телевизор в приём стеклотары.

Переход на зимнее время

так и замер
с поднесённой ко рту
ложкою супа

Абдуллаев

В большом городе
жили на съёмной квартире
две девушки —
позвоночник пунктиром.
Если у одной заканчивались слова,
другая тут же вытаскивала из рукава.

Зажечь бы лампочки электрические,
но отключили за неуплату
новости культуры, события политические,
голос пропал у телефонного аппарата.
Слесарь в ребристых ботинках подходит к двери,
слушает, что происходит внутри.

бегут бегут по стенке свисают с потолка
лодыжки и коленки принцессы табака
а девушки в обнимку как цуцики лежат
рисует чёрт картинку но он не виноват
что здесь необитаем невидим и забыт
кондуктор абдуллаев какой-нибудь лежит
ночует под диваном в космической пыли
не стёрт с лица земли

Вышли они из дома и не вернулись,
запутались в проводах, как воздушные змейки.
Или пропали на пересечении улиц
Рубинштейна и Маросейки.

Общая география

Родился на родине, делал приборы,
включал на досуге небесные хоры,
уехал, приехал, опять опоздал,
сбежал из медпункта, попал в арсенал.

Женился на женщине, спал беспробудно,
внутри затонуло торговое судно.
Чувствовал, сердце как с ритма сбивается.
Ветер затих, а собака кусается.

Я охраняю тебя и страну,
золото это и кразелиты,
карту в масштабе один к одному,
сваи, что в мёрзлую землю забиты,

сухой борщевик вдоль дороги-дороги,
речку бездомную слева по борту,
ток однофазный, высокие слоги,
загнанных в рай и отправленных к чёрту.

Стелется пар над бассейном «Москва».
Села метла в Шереметьево-2.
За город едет рассада в авто.
Кто тебя ловит? И вертит никто.

Уроки рисования

1

— Почему не подходишь к телефону? Спишь?
Поздно легла? Работала? Нет? А что тогда? Заболела?
— Нет-нет, я совсем не то, что ты говоришь,
у меня был Димитрий, смотрели кино чёрно-белое,
ели дыню, пили вино, слушали карлика-пианиста,
что перевёл на разные языки ёлки и кипарисы,
сердцебиенье, полёт комара, предчувствие западни.
Захлопнулась крышка, и в доме погасли огни.
Он выныривал, чтобы вдохнуть, —
пианист, Димитрий или карлик — не суть важно.
Что я помнить могу?
Лишь наступление утра,
искрящуюся дугу
трамвая, вышедшего на маршрут.
Скоро листья с деревьев снимут,
снимут и уберут.

2

Что дома сидите? Сейчас подходящее время
пройтись по морозу со скоростью двух сухогрузов,
на чёрное небо смотреть, на случайных прохожих,
Братеевский мост посетить, что возвёл Леонардо.

Прислушайтесь: там, подо льдом, говорит осетрина
о нересте, ценах на корм, о подводных течениях,
о том, что любовь и любовь — это разные вещи.
А рядом плотва молодая играет в бирюльки.

Ну, можно ещё погулять и дотопать до МКАДа,
минуя два факела газовых, родом с Олимпа.
Вернуться домой и увидеть, что всё изменилось:
на кухне орудуют волки и снега по пояс.

А в кресле сидит и ворчит обнажённая Маха,
что, дескать, клала я с прибором на ваше искусство,
когда на земле что не грипп, то федорино горе,
изгибы соблазна подайте им, нате, возьмите.

3

Какое мне дело до «Страждущих у ворот»,
«Скрипача на закате»,
«Апостола Павла, считающего столбы».
Меня интересует «Махмат»,
смотрящий на «Спящую Рабият».
Что он там видит, видит он что?
Чёрные волосы
(а какие ещё могут быть?)
блестят, что вороньи перья,
глаза закрыты, крутят картинки,
нос уткнулся в подушку,
губы никак не отпустят улыбку.

Что молчишь, Махмат?
Ведь ты же всё знаешь, тебе записали в подкорку
две тысячи серий о жизни, любви и погоде.
Так сколько ещё мне висеть в галерее
бок о бок с твоей Рабият?

Дом

Где же ты шлялась? Ты всё прозевала.
Время ушло, как вода из подвала.
На клумбу посажены львиные зевы.
На лавку посажены старые девы.
И, затушив о каблук беломор,
наш участковый выходит во двор.

У магазина Василий Васильич,
блядская сволочь, пузатая мелочь,
даром жена его пилит и пилит,
он же не слушает, смотрит на девочек.
И так говорит мне: студент, запиши —
живу для желудка, умру для души.

Где же была ты? Тут всё изменилось,
время открылось, и время закрылось.
Я не был в кино лет, наверное, двадцать,
но в Планетарии целоваться
круче намного, среди разных светил
тело твоё как своё изучил.

Солнце нагрело дорожки асфальта.
Ласточки делают низкое сальто.
И ночью, светильник ума погасив,
какой-нибудь полузабытый мотив
на съёмной квартире с холодной стеной
ты крутишь и вертишь и хочешь домой.

Вещи

Детонька, куда вы пропали? Почему не звоните?
Меня навещает Сонечка, последняя из могикан.
Ночами не сплю, перед глазами Юпитер,
а может, и солнце, садящееся в океан.

Вчера приходила знакомая Плисецкой,
показывала фотографию, где она в компании детской
позирует объективу, а рядом с ней Майя,
ей бы поспать, бледная вся и худая.

А представьте: на свете только мы с вами,
гуляем по проезжей части или сидим где-нибудь.
Приходим домой и глубоко засыпаем,
так глубоко, что ни выдохнуть, ни вдохнуть.

Точно подметил, кажется, Алексей Силыч Новиков-Прибой:
всё, что было моим, возьмёт себе кто-то другой.
Но очень сомнительно, случись мне капут,
что курочку, масло и эту, забыла как называется, заберут.

Оазис

Муж разгадывает кроссворд.
Медленно открывает рот:
первая буква «о», вторая «а».
Головой качает, но не качается голова:
нет таких слов, это какой-то бред.
Жена переключается с завтрака на обед.

Перед тем как заняться сексом, он истребляет мух,
смотрит на ногти, напрягает мозг, но напрягается слух.
И последняя, сонная, еле живая,
взлетает, как боинг себя от стола отрывая.

...Из соседней квартиры приглушённый звук,
то ли музыка это, то ли дети отбились от рук.

Истории о...

1

Познакомлюсь с женщиной 35—40 лет,
для дружбы, общения, для встреч места нет,
нравятся серьёзные и долговременные мужчины
с посещением музеев, нацеленные на результат.
Ещё люблю Достоевского, нравится Гиппократ.
Сама не курю, и хотелось бы видеть рядом
мужчину с одноимённым взглядом.
Книги читаю по мере интереса,
это могут быть истории о жизни известных людей,
таких как царь Николай или царь Берендей.

2

Метро ещё не открыли, и мы пока
стоим у прозрачных дверей, как два мудака:
Иванов и я, типичные представители народных масс.
Но почему-то искусство поэзии требует нас,
вытаскивает из постели, из-за обеденного стола.
А если я устал, в самом деле, или ко мне баба пришла?
Так говорит Иванов, протискиваясь в вагоны.
На «Площади Революции» держат небо Лаокооны.
А мы ничего не держим, лишь наблюдаем или пробуем на вкус.
И несём себя, словно аквариум или иной, но бесценный груз.

3

*В этом месте Бог водит моей рукой,
потому и почерк, как видите, не такой.*

* * *

Женщина в ванне, укрытая пеной,
лежит и уходит в себя постепенно.
Зеленоватого мыла кусок
втайне мечтает попасть в водосток.
Кремы, шампуни. Щётка зубная
напоминает отца Николая.
У Николая во имя Христа
торчит борода накануне поста.

Он на балконе в семейных трусах
стоит и считает неведомых птах.
Все их названья ему неизвестны,
но различает залётных и местных.

В бассейне «Москва», в изумрудной воде,
исправно работает модуль Пельтье.
Небесные створки приоткрывая,
туда заплывает Киприда живая.
К ней устремляется седоголов,
ветхозаветный Господь Саваоф.

Куры

Сидели мы около дома, и много раз
я открывала рот, а Диана щурила глаз.
Пришла Сабина с муфточкой и в шикарном пальто,
хотя было лето и так не ходил никто.
Ну чо? — спросила Сабина, выгибая плечо.
Мишка Фараджев сплюнул и сказал: бараны́.
(Бараны животные умные, а это явно не мы,
поэтому ударение на последнем слогe.)
Пойдём, говорит Мишка, к морю по этой самой дороге.

И мы пошли. Я, Диана, Сабина, Алибек, Пирзия,
Фатима, Патя, Соня, Мадя и Леночка.
Последние шесть имён — алибековские куры.
Он за ними присматривал, за них отвечал,
а Леночку почему-то особенно привечал.

Миновали дорогу железную и вышли на пляж городской.
Сабина ставила ножки крестиком, Мишке махала рукой.
И навернулась в море с песчаной косы. В пальто.
Весь пляж и так с замиранием смотрел,
ведь так не ходил никто.
А тут ещё в море упала.
Мишка сказал: бараны́!
И в воду полез, подворачивая штаны.

Сосновка

1

Сложилось так: её каким-то ветром
вдруг принесло. Она жила в Сосновке.
И вот те нате — Ленинский проспект.
Восторг от вида, от инфраструктуры.
Мы, суки-москвичи, того не ценим,
ведь нам досталось всё за просто так.

Сначала к ней гадалка приходила
и что-то говорила в темноте.
Потом мужик пытался приручить,
указывал, что есть и как готовить.
Поскольку он Сосновку посещал,
у них возникла тема разговора
духовно общая. И прочий променад.
Но развалилось всё. Ходила в церковь,
воткнула свечку не туда. Опять гадалка
сидела с ней в крошечной темноте.

И вычитав у Милана Кундеры,
что новой жизни просто не бывает,
что матерьял состав свой не изменит,
хоть крась его, хоть заливай гудроном,
она, похожая на плюшевую свинку,
взяла и тронулась умом назло соседям.
Ночами громко пела, а рыдать
ходила почему-то на площадку,
где баночка бычков и мусоропровод
томился тоже ожиданьем чуда.

А так сложилось дальше: я не знал,
куда пристроить старый холодильник.
И встретил тут её и полюбил.
За что — неясно, но однако сильно.
Приснился Бродский, явно не к добру,
кричал: прочти, вот книга обо мне,
не слушай Рейна, Наймана не слушай,
они всё врут, особенно Довлатов.

2

Сосновка вот: колхозный «кукурузник»
над поймой расточает аромат
неведомых каких-то химикалий.
И зорко наблюдает Заболоцкий,
чудесным земледелиям свидетель,
как кочаны капусты смотрят вверх
до первых слёз от жгучего лекарства.

Электрик Витя весь рабочий день
сгущает краски и читает книгу,
где Ришелье свои танцует танцы
и Anne мстит за страшные обломы.
И что-то не даёт ему дышать.
Не Ришелье, а Вите. Он не может
пойти на выдох, не уйдя на вдох.
Мотаёт головой, скрипит зубами
и видит точку в небе. Но она
пульсирует и закрывает солнце.

Под вечер отпускает. И приладив
умело кошки, лезет он на столб
и видит крыш остывший рубероид.
...До горизонта крыши и столбы.

Говорят, что Сосновку не видно совсем
с высоты полёта «Боинга-737».
Промелькнут иногда полоска песка и дымы.
Где же мы, увеличенные во сто крат? Где же мы,
пережившие районирование и межевание,
сломавшие язык на том, чему есть простое название?

А вот, как сказал бы поэт, отразились в зрачках
дородной девицы из Высшего Волочка,
что, ни ветра не замечая, ни снегопада,
несёт поцелуй кому надо.

Содержание

Последняя глава	3
«Меркнут знаки Бэрримора...»	4
«В пятиэтажках под снос...»	5
Станции	6
Лифт	9
«Люди уехали в город...»	10
Game Over	12
Сёстры	14
Я, Сашка и она	16
Связь	18
Бабушке Пανε, дошедшей до Берлина	20
Переход на зимнее время	21
Абдуллаев	22
Общая география	23
Уроки рисования	24
Дом	26
Вещи	27
Оазис	28
Истории о... ..	29
«Женщина в ванне, укрытая пеной...»	30
Куры	31
Сосновка	32

Дмитрий Тонконогов. Один к одному

редактор:
А. Переверзин

художник:
С. Труханов

корректор, технический редактор:
О. Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 27.02.2015.
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 2,25
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Пробел–2000»
Тел. (495)287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

Дмитрий Тонконогов родился в 1973 году в Москве. Учился в Литературном институте, работал в экспедициях в Сибири и на Севере. Стихи публиковались в журналах «Смена», «Юность», «Арион», «Дружба народов», «Новая Юность», «Октябрь» и других изданиях. Автор книги стихов «Тёмная азбука» (2004). Лауреат премии «Московский счёт» (2004) и молодёжной премии «Триумф» (2004).